

СБОРНИК РАССКАЗОВ

18+

The illustration depicts a dark, fluffy cat with glowing yellow eyes sitting on a windowsill. The window is broken, with a large hole through which a white dove is flying. Outside the window, a cityscape with a prominent church spire is visible under a hazy, golden sky. The scene is set in a dark room with tattered curtains and a small portrait on the wall to the left.

Галерея чужих душ

Кира Дмитриева

Кира Дмитриева

Галерея чужих душ

<https://litres.ru/74154937>

ISBN 9785007022750

Аннотация

Вы держите в руках книгу, в которой собраны истории о тех, кто уже давно привык диктовать жизни свои правила. Мошенники, высокомерные врачи, гениальные гипнотизеры и самоуверенные дельцы — все они однажды сталкиваются с силой, неподвластной их контролю.

Окунитесь в изящные, пронзительные и непредсказуемые рассказы о том, что за успехом и роскошью всегда скрывается тайна, а на любого, даже самого ловкого охотника, у судьбы уже заготовлена ловушка.

Содержание

Проклятый музыкант	5
Побеждённый	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Галерея чужих душ

Кира Дмитриева

Редактор Андрей Абрамов

Дизайнер обложки Марина Дмитриева

© Кира Дмитриева, 2026

© Марина Дмитриева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2275-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю благодарность главному редактору и администратору сообщества «Если б я был писателем...» Андрею Абрамову, без которого эти рассказы не увидели бы свет.

Спасибо за форму, за воплощение и за красоту.

Этот сборник — Ваша заслуга.

Проклятый музыкант

Однажды, находясь в Праге по рабочим делам, в сырой и дождливый осенний день я забрел в теплый бар, выпить пива. Настроение и погода не располагали к долгим пешим прогулкам. Из пивного бара на меня повеяло теплом, ароматами жареной картошки, свежих дрожжей и дерева. Уютный интерьер зазывал сесть за добротный дубовый стол и провести часик-другой в этом гостеприимном местечке. Очаровательная пышногрудая блондинка принесла мне меню и приветственный бокал холодного пива.

Задумчиво выбирая закуску в обширном меню, я вдруг услышал тихие звуки фортепианной музыки. Оказалось, что в баре есть второй зал, который в полумраке я сначала не заметил. Звучала музыка Шопена в очень изящном исполнении. Заинтригованный тем, кто же этот прекрасный исполнитель, я направился туда, откуда доносилась музыка. Пройдя в зал, лишённый окон и освещённый лишь мягким жёлтым светом нависающих над столиками ламп с тканевыми абажурами, я увидел старое коричневое лакированное пианино. За клавишами сидел седовласый старик в мешковатом шерстяном пиджаке в тон инструменту и потертых брюках из плотной ткани болотного цвета. Глаза его были прикрыты, а на крышке пианино стоял бокал с золотистым виски такой же многолетней выдержки, как и сам пианист. В пожел-

тевших зубах дымилась изжеванная сигара. Рядом на круглом столике на высокой ножке стояло хрустальное блюдо, в котором лежали монеты и пара помятых купюр. Я пошарил в своем кармане и с удовлетворением нашёл там пару завалявшихся евро. Аккуратно положив их на блюдо, я отошел в сторону. В этот момент я с удивлением поймал на себе неожиданно цепкий взгляд едва приоткрывшихся глаз старика.

Заняв столик неподалеку, я заказал закуску и ещё пива. Фортепианная музыка меня завораживала. Доиграв вторую сонату Шопена, старик встал из-за инструмента и подошел к моему столику:

— Позвольте? — спросил он, с грохотом отодвигая тяжелый деревянный стул.

— Да, конечно, буду рад вашей компании, — вежливо отозвался я.

— Спасибо. Не угостите ли меня бокалом виски с орешками?

— Да, с радостью. Вы своей изумительной игрой доставили мне массу удовольствия, так что я ваш должник.

— Бросьте эту лесть. Мое единственное музыкальное достижение заключается в том, что в этом баре за игру на старом пианино я получаю бокал столь же старого виски. Ваше здоровье! — сказал пианист, подняв бокал, который он прихватил с собой с крышки инструмента, и осушил его до дна парой громких голодных глотков. Затем он поднял на меня

выцветшие серые глаза, полные тоски и смирения.

— Вы прекрасно играете. Где вы обучались музыке? — поинтересовался я.

— Меня жизнь научила. Хотите, я расскажу вам свою историю? Мне кажется, что у вас есть время и желание выслушать меня. В ваших ясных глазах читается любопытство и интерес к человеческим судьбам.

И вот что поведал мне этот потухший старик.

Я родился в бедной семье простых рабочих. Отец и мать с утра до ночи трудились на заводе. У меня были старшие братья. Я, как самый младший, получал все по остаточному принципу — и родительскую любовь, и кусок хлеба, и одежду приходилось донашивать за старшими. Мною мало занимались, я был предоставлен самому себе, так что воспитывала меня улица. В соседнем районе, куда я ходил к молочнице, жила хрупкая молодая девушка, которая целыми днями играла на рояле. Она была из состоятельной приличной семьи, владевшей большим добротным особняком. Её комната, в которой она занималась, располагалась на втором этаже, а окна выходили на улицу. Летом из распахнутых окон доносилась приятная фортепианная музыка. Здесь я впервые познакомился с классикой, и она пришлась мне по душе. Когда дома становилось совсем туго из-за вечных насмешек старших братьев и ссор родителей, я сбегал к этим спасительным

окнам слушать музыку. Она меня успокаивала, вселяла надежду на лучшее, пробуждала во мне какие-то прекрасные чувства. Мне тогда было всего пять лет, и я мало что понимал в чувствах и эмоциях, которые разрывали меня изнутри при звуках фортепиано.

Однажды, когда мама была в хорошем настроении после получки, я робко признался, что полюбил музыку и тоже хочу научиться игре на пианино. На что мама с досадой рассмеялась прямо мне в лицо:

— Это где же ты таких бюргерских замашек понабрался? Музыку он полюбил! Откуда я деньги возьму на инструмент и на музыкальную школу? Ты сначала обычную школу окончи.

— Я слушаю музыку у дома в соседнем районе. Там девочка занимается на втором этаже, она прекрасно играет.

— Ха, так это, наверное, дочка нашего мэра. Конечно, она играет на дорогом рояле. Это не про нас, забудь ты эту музыку.

Так у меня и отложилось в памяти, что красивая и благородная музыка — это удел богатых и успешных. С того момента я всей душой стал стремиться к богатству и всеобщему признанию.

Через год, когда мне надо было идти в школу, мы переехали в другой город далеко под Прагой. Там построили новый завод, куда перевели моих родителей. Перед отъездом я побежал к тому дому попрощаться с прекрасной музыкой. В те

дни девушка разучивала вторую сонату Шопена. Страстная музыка пробудила во мне решительное желание во что бы то ни стало победить нищету, вырваться из мира бедности и ущербности, заслужить уважение старших братьев и окружающих. Музыка вдруг прервалась, и из окна показалось аккуратное личико молодой пианистки. Она была очень бледной, с синячками под большими зелеными глазами. Локоны каштановых волос красиво обрамляли её лицо, подчеркивая бледность кожи и синеву пульсирующих жилок на высоком лбу. Она выглядела болезненной и очень печальной. Меня тогда сильно удивило, как можно быть богатым, жить в таком роскошном доме, иметь возможность заниматься музыкой и при этом быть таким грустным. Я, пышущий тогда здоровьем розовощекий уличный парнишка, помахал ей рукой на прощание. Заметив меня, она робко улыбнулась и помахала в ответ, даже не зная, что я — её самый первый и преданный поклонник.

Уходя, я слышал вслед звуки прекрасной сонаты Шопена. Музыка прощалась со мной, провожая в вечность мое жалкое прошлое. В новом городе началась совсем другая жизнь. Я пошел в школу, учеба давалась мне легко. Хорошая память и сообразительность помогали быстро справляться со всеми уроками. Но ни один предмет меня не интересовал так, как уроки музыки. К сожалению, на них мы только пели патриотические песни — фальшивым хором всех учеников под аккомпанемент заезженной пластинки. О такой роскоши, как

живая музыка, речи и быть не могло. Видимо, у школы тоже не было денег на покупку и содержание музыкального инструмента.

Родители готовили меня к карьере заводского рабочего, как и всех моих старших братьев, которые уже начали работать, окончив среднюю школу. Но мне не хотелось, как все, с утра до позднего вечера прожигать свою жизнь на шумном и пыльном заводе. Обладая лидерскими качествами, бесстрашием и смышлённостью, я сколотил банду из одноклассников. Мы занимались мелким хулиганством: запугивали старых продавцов небольших лавок в соседних районах, отнимали у них товар. Потом продавали его в другом районе по завышенной цене, а полученную выручку вкладывали в общий бюджет банды. Позже на накопленные деньги мы соорудили перевозную обувную мастерскую. Сначала чистили обувь, потом научились несложному ремонту. Но мы не просто чистили ботинки клиентов, мы ещё и обчищали их карманы. Пока один чистил обувь и заговаривал зубы (как правило, отвлекал внимание именно я), другой шарил по сумкам и портмоне. В отличие от честного труда, воровство приносило больше прибыли, и гораздо быстрее. Поэтому к моменту, когда я окончил школу, у меня уже скопилось достаточно средств, чтобы уйти из родительского дома и зажить самостоятельно в арендованной комнатке на мансарде.

С годами из мелкого воришки я превратился в крупного мошенника. Заработав приличный капитал, я вспомнил

о своей давней мечте — музыке. Тогда я решил заняться перепродажей музыкальных инструментов, которые до сих пор ассоциировались у меня с исключительным богатством и изысканностью. Я покупал старые рояли, отдавал их мастеру на реставрацию, а потом продавал втридорога. В охоте за большими деньгами я становился все более жадным. Мне было мало простых музыкальных инструментов — хотелось повернуть сделку века. В наших узких мафиозных кругах мне сообщили, что в одном городе есть богатый дом, в котором находится очень дорогой старинный рояль. Его стоимость покрыла бы покупку целого магазина роялей. Но проблема была в том, что продавать его никто не собирался: он принадлежал жене какого-то зажиточного господина.

Я нашел этот дом, или, скорее, небольшой дворец. На тот момент я уже не был нищим, наоборот — жил в собственном красивом двухэтажном особняке, разъезжал на лакированном мерседесе и носил дорогие пальто. Но, увидев этот дворец, из окна которого доносилась прекрасная фортепианная музыка, я вдруг снова испытал то же чувство зависти перед чужим достатком и недоступной мне изысканностью, что и тогда, в детстве у дома мэра. Каким бы ты ни был богатым, всегда найдется кто-то богаче. Поэтому деньги — это своеобразный наркотик: чем больше ты получаешь, тем больше хочешь.

К тому времени я уже прекратил заниматься откровенным воровством и перешел на уровень выше — к интел-

лектуальному мошенничеству. Я выяснил, кто хозяин дома и чем он занимается. Оказалось, что этому зажиточному господину принадлежит несколько фабрик по производству шелка и обработке золота. Его жена-пианистка считалась одной из лучших в музыкальных кругах. Но, поскольку я, несмотря на своё богатство, по-прежнему был далек от классической музыки и не входил в те возвышенные круги общества, её имя было мне незнакомо.

Составив план по разорению его предприятий, я приступил к реализации задуманного. Мне пришлось задействовать целую банду, в которую входили нечистые на руку нотариусы, юристы и банковские служащие. Выстроив несколько хитрых схем, в которые был вовлечён ничего не подозревающий господин, мы выкопали глубокую долговую яму для этого когда-то успешного предпринимателя. Через два года моих трудов его «корабль» пошел ко дну. На аукционе я выкупил его дворец вместе с тем бесценным роялем. Но самое забавное заключалось в том, что, заполучив этот желанный инструмент, я отказался его продавать.

Поселившись в этом замке, я почувствовал себя светским господином, хотя меня всё еще не принимали в высшие круги общества. Я постоянно ощущал свою неполноценность, хотя потихоньку начал заниматься меценатством, подбрасывая деньги то музыкальным школам, то талантливым музыкантам. Я финансировал различные конкурсы и благотворительные концерты. Но это не придавало мне изысканно-

сти, утонченности, не делало меня благородным. Я всё равно оставался по своей сути жуликом. Я остро чувствовал, что никак не дотягиваю до людей благородных кровей — они отказывались признавать меня своим. Это было необъяснимо, но весьма ощутимо.

Казалось бы, я достиг всего желаемого — распрощался навсегда с нищетой, заполучил самый дорогой музыкальный инструмент, обрёл много денег и власть. Но от этого я не ощущал себя счастливее. Напротив, создавалось впечатление, что я отдаляюсь все дальше от своей благородной мечты — выбиться в высшие круги, освоить мастерство музыканта, познать прекрасную сторону жизни. Кроме того, пребывание в замке наводило на меня страшную холодящую тоску.

По ночам я слышал музыку. Из зала, где стоял рояль, доносилась мелодия второй сонаты Шопена. Её звучание было приглушённым и едва уловимым, оттого мне показалось, что эти звуки — лишь сон. Но история повторялась из ночи в ночь. И эта мелодия не вселяла в меня радость, как тогда в детстве, а, наоборот, угнетала, холодила, вызывала мурашки, нервно бегающие по телу.

Однажды ночью, содрогаясь от внутреннего озноба, охватившего все мое тело, я со свечой в руках направился в зал с роялем. Под ногами скрипел старый дубовый паркет, заглушая едва различаемые аккорды фортепиано. Но чем ближе я подходил к залу, тем отчетливее доносились звуки музыки. В эти ноты исполнитель вкладывал и угрожающее зло, вы-

раженное в мощных аккордах, и тоску, мягко исполняя лирическую часть. Подойдя к закрытой двустворчатой двери, я почувствовал, как мое сердце бешено заколотилось, совершенно потеряв всякий ритм. За матовым стеклом разливалась беспросветная тьма. Набравшись смелости, я распахнул двери, и на меня мощным потоком хлынули звуки мелодии. У рояля я увидел едва заметное свечение и словно тень согбенного пианиста. В зале было очень холодно, отчего мой озноб лишь усилился.

Эта музыка оказывала на меня удручающее впечатление, мне хотелось прекратить это исполнение, и я заткнул уши. Но мелодия, несмотря ни на что, проникала в мои мозг и сердце. Третья часть сонаты, которую я никогда не слышал ранее, потому что в детстве так и не дослушал её до конца, ввергла меня в оцепенение. Это был знаменитый «похоронный марш». Я всем своим существом ощутил дуновение смерти. Мне казалось, что я уже лежу в гробу, и эти монотонные аккорды бьют по его массивной деревянной крышке. Я чувствовал себя погребенным под своими сокровищами, добытыми нечестным подлым путем.

Свечение у рояля становилось все ярче и четче. Вдруг я разглядел очертания девушки в длинной светлой рубашке. Я смотрел, словно замороженный. Мое тело, мои глаза, мой слух больше не подчинялись моей воле. В силуэте я узнал ту самую болезненную девчонку из богатого дома мэра. Мое сердце, которое так и не смогло восстановить нормальный

ритм, вдруг словно оборвалось и затихло. Звуки марша постепенно стихали, словно похоронная процессия удалялась. А потом наступила тишина — звенящая тишина подземелья.

Утром я очнулся от страшного сна с чувством полной разбитости в своей постели на влажных от пота простынях. У меня болела голова и щемило сердце. Рядом на табурете сидел врач в белом халате, а на прикроватной тумбочке стояли какие-то пузырьки с лекарствами. Как мне потом рассказали, рано утром домработница обнаружила меня без сознания в зале возле рояля. Испугавшись, она вызвала доктора. Мне диагностировали сердечный приступ.

Позже меня забрали в больницу, и оттуда я вышел совсем другим человеком. Мне впервые в жизни было по-настоящему страшно — страшно возвращаться в тот дворец. Поэтому я поселился в номере дорогого отеля, а дом выставил на продажу. Его долго никто не хотел покупать. Я снижал цену, но покупатель все не находился. Мне были непонятны причины. Позже, когда некий иностранец за бесценок все-таки купил дворец, знакомый нотариус раскрыл мне причину отсутствия спроса.

Оказалось, когда я разорял того состоятельного господина своими махинациями (о том, что за всеми его финансовыми бедами стоял я, никто в городе не знал), он переживал не только финансовый крах, но и личный. Его жена страдала малокровием и нуждалась в дорогих лекарствах, поддерживающих жизнь в её слабом теле. Она была выдающейся пи-

анисткой, но из-за болезни редко давала концерты, зато записала множество пластинок. Муж очень любил её и берег. Однако, разорившись, он больше не смог больше оплачивать дорогие лекарства и лучших врачей. А она, так и не смирившись с тем, что потеряет любимый рояль, который принадлежал ей с самого детства, впала в глубочайшую депрессию, потеряв всякое желание бороться за померкнувшую без музыки жизнь. Накануне продажи дворца она скончалась. Перед смертью женщина попросила довести её до инструмента. Едва удерживаясь на кожаном стуле у рояля, она начала играть вторую сонату Шопена. Казалось, женщина отдала музыке свои последние силы. Её тонкие бескровные пальцы извлекали из инструмента мощные аккорды, в которые пианистка вложила всё отчаяние и злость на того, кто не пожелал оставить ей рояль. А ведь её муж перед продажей дома молил меня разрешить вывезти рояль, предлагая за это даром отдать дворец. Но мне же был нужен именно рояль! Так, исполняя сонату, она испустила дух вместе с последним аккордом. Поговаривали, что с тех пор в замке завелось приведение, которое по ночам играет сонату Шопена.

Позже выяснилось, что той болезненной пианисткой оказалась знакомая мне девчонка из соседнего особняка — дочка мэра. Узнав эту историю, я словно умер внутри. Я понял, что собственными руками убил свою детскую радость и мечту. Убил человека, который когда-то вдохнул в меня жизнь. Теперь эта жизнь покинула меня. Я ощутил себя тем, кем

был от рождения и по сути: нищим, малокультурным мошенником, жадным до больших денег и жаждущим признания высшего света. Но я ровным счетом ничего не сделал, чтобы стать Человеком с большой буквы. По причине глубокого невежества я был уверен, что, заработав деньги, получу всеобщее признание, а купив дорогой инструмент — стану музыкантом.

Я потерял свою предпринимательскую хватку, погрузился в беспросветную апатию. Я не жил, а существовал. Распродал всё своё богатство, купил небольшую конуру на мансарде. На вырученные деньги я приобрёл старое пианино и нанял частного учителя музыки. Его удивило мое желание начать обучение с музыки Шопена, а ведь я даже не знал творчества других композиторов.

И вот сегодня перед вами я настоящий — нищий и посредственный музыкант. Казалось бы, я всё же исполнил свою детскую мечту — купил пианино и научился играть на нём. Но почему-то это не приносит мне радости. Утешение я нахожу только в виски. Меня теперь ничего не радует. Почему?

Вопрос этого жалкого проклятого старика повис в воздухе и навсегда остался без ответа. Я покинул его, оплатив бокал виски и закуску. Меня ещё долго преследовало едкое чувство жалости, смешанное с презрением.

Побеждённый

По мрачной осенней улице, обдуваемый порывистым северным ветром, шел худощавый, согбенный человек с напряженно поджатыми губами. Он нес в себе изъедающее чувство вины, сменившее почти побежденную, но прежде угнетавшую его на протяжении всей жизни зависть. Весь этот нелегкий груз уставшей от борьбы души он нес к психотерапевту, а по совместительству — своему старому приятелю.

Частный кабинет врача души располагался на фешенебельной улице. В просторном холле приёмной мрачного посетителя встретила улыбающаяся блондинка. Она с уважением и даже трепетом поприветствовала именитого гостя.

— Здравствуйте, Андрей Михайлович, рада видеть вас! Николай Иванович уже ждет. Могу предложить кофе или чай?

— Кофе, пожалуйста, — буркнул в ответ Андрей, почти огрызнувшись. Он привык к подобострастному отношению к своей персоне, граничащему с поклонением.

Девушка проводила его в роскошный кабинет Николая — того самого приятеля-психотерапевта. Студенческие приятели не виделись давно. Последний раз — пять лет назад, на встрече выпускников медицинского университета.

— Андрей, ты здорово сдал за те годы, что мы не виделись, — вместо приветствия сказал Николай, вставая из-за

массивного дубового рабочего стола.

— Спасибо за откровенность. Не от хорошей жизни я обратился к тебе.

— Чем же твоя жизнь нехороша? Блестящий нейрохирург, чья слава гремит по всему миру. Сколько жизней ты спас? Скольких людей сделал счастливыми? А какие гонорары получаешь? Слухи о твоём богатстве, любви к роскоши и молодой красавице-жене ходят по миру наравне с вестью о твоих врачебных талантах. Живи и радуйся!

— Ты лучше спроси, скольких людей я угробил и сделал несчастными...

— Ну, зачем ты так. От ошибок никто не застрахован. Но хорошего хирурга они делают только опытнее и лучше.

— А я вот не могу себе простить ни одной ошибки. Но самой моей главной ошибкой была не случайность, а преднамеренное вредительство. Я надеялся, что это меня спасет, но нет...

— С этого места поподробнее. Ты уже побывал в кабинете следователя или решил начать с моего? — с кривой улыбкой пошутил Николай, пытаясь разрядить чрезмерно накалившуюся с момента появления Андрея обстановку.

— Ты готов меня выслушать? — проигнорировал шутку Андрей. — Не как приятель, с которым я сидел рядом на всех лекциях в течение шести лет обучения. А как хороший, независимый врач-психотерапевт.

— Конечно, мы же встретились в моем кабинете, а не дома

у камина за стаканом виски.

— Тогда слушай...

Я не общался с тобой и многими другими своими приятелями детства и юности не из-за снобизма, как многие полагают. А из-за совершенно другого недуга, который не поддается лечению хирургическим путем. И имя этому страшному недугу — зависть. Да, она изъедает меня с того самого момента, как я окончил обучение и вышел во взрослую жизнь. Я достиг всевозможных успехов, получил от жизни все, о чем только мог мечтать в юности. Но ужас в том, что все это не приносит мне ни капли удовольствия. Все эти достижения, все самые важные события в моей жизни: от получения красного диплома и должности ведущего нейрохирурга в лучшей клинике России до рождения долгожданного сына — не принесли мне радости. Я словно эмоционально парализован; знаю о радости только понаслышке, и меня злит, что испытать эти яркие чувства мне не дано. Меня раздражает чужая радость.

И потому меня стал сильно раздражать, вплоть до ненависти, знакомый тебе Федор — мой друг со школьной парты. Талантливый художник, заводила, путешественник. Жизнь не была к нему столь благосклонна, как ко мне. Его путь к успеху и признанию лежал через лишения, страдания, предательство и бедность. Но он не сдавался и продолжал ве-

ритель, с улыбкой и благодарностью встречая малейший успех. Когда ему удавалось продать за гроши очередную картину, он с радостью звал меня на чашку кофе или стакан виски, чтобы разделить с ним этот успех. И всегда говорил, что истинное счастье состоит из вот таких маленьких побед. А я, переживая очередную большую победу, смотрел на него как баран, и не понимал, чему он радуется. Нищий, снимает комнату в общежитии, подрабатывает дворником, чтобы заработать на краски и холсты. Он стучался в двери галерей, откуда его вышвыривали, словно дворового котенка. И все равно он не терял оптимизма и находил, чему радоваться. И радовался от всей души, искренне, пытаясь разделить эту радость со мной, но безуспешно.

С годами его вера и упорство дали свои плоды. Работы Федора заметил состоятельный меценат. Он устроил ему выставку, с которой начался настоящий творческий успех. И тут уже не было предела его радости и благодарности — и самой жизни, и тому меценату. Он был благодарен и готов расцеловать каждого покупателя своих картин. От его улыбки светлее становилось всем вокруг. Меня же его радость угнетала все больше. Я завидовал не его успеху (мне хватало своего), а его умению радоваться, наслаждаться каждым моментом жизни. Меня бесила его улыбка, задорный смех, его щедрость по отношению ко мне и окружающим. Получив первый значительный гонорар, он закатил настоящий пир, куда позвал бесчисленное множество своих друзей и приятелей.

Люди тянулись к нему. А я никогда не испытывал к себе такой любви со стороны окружающих несмотря на то, что спасал им жизни. А Федору эта любовь доставалась так легко, словно мир возвращал ему то, что он сам посылал во Вселенную.

Я решил ограничить свое общение с ним. Это было несложно сделать, потому что Федор отправился в долгое путешествие по миру за новыми впечатлениями и идеями для картин. Я куда комфортнее чувствовал себя среди пациентов — больных, страждущих и обреченных на долгие муки людей. Находясь среди них, я хотя бы на время ощущал себя более счастливым. Но не эмоционально, а объективно. Я чувствовал власть над ними, зная, что могу как спасти, так и убить. Их дальнейшая судьба находилась целиком в моих руках. Ну, и частично зависела от воли случая. Но и случай я всячески старался подчинить себе. Я стал хирургом не для того, чтобы спасать, а чтобы побеждать! Побеждать смерть, мрак и муки, которые меня всегда пугали.

Но однажды, спустя годы, Федор обратился ко мне за помощью. Он страдал от сильных головных болей и резкого ухудшения зрения. При обследовании в его мозгу была обнаружена доброкачественная опухоль, давящая на зрительный нерв. Для него, как и для любого художника, зрение было очень важным. Памятуя о нашей старой дружбе, он слезно просил помочь. Говорил, что готов лечь под скальпель лишь ко мне. Впервые я видел его раздавленным и перепуганным.

Впервые он не улыбался и не шутил. И потому совершенно не раздражал меня. Я больше не ощущал себя ущербным эмоциональным импотентом рядом с ним. Потому и согласился помочь.

Накануне операции я много размышлял. Для меня удаление этой опухоли не было сложным делом. Я был уверен в успехе, потому что провёл уже не один десяток подобных операций. При этом где-то в глубине души мне хотелось, чтобы Федор навсегда остался таким унылым человеком. Тогда я смог бы продолжить с ним дружить. Как нейрохирург, я знал, какие гормоны и какая часть мозга отвечают за наше настроение. Но я не представлял, как можно выключить это чувство радости от жизни, не сделав при этом человека инвалидом. Зато знал, как стереть память... А вместе с ней и все пережитые яркие эмоции. Но как профессионал я не вправе был этого делать. Ведь врач клянётся не навредить.

Я не спал всю ночь накануне операции. Внутри меня боролись две личности — профессиональный амбициозный врач и завистливый, эмоционально глухой человек. Меня мучили ночные кошмары, мелькающий в окне свет фар проезжающих машин резал дремлющее сознание, словно вспышки молний. Я ворочался, покрывался испариной. В моей душе шла настоящая борьба.

Утром я проснулся разбитым, но мне показалось, что победил профессиональный врач. Однако это была лишь иллюзия. Потому что подсознание сильнее сознания, оно управ-

ляет им. Я загнал свое пагубное желание навредить глубоко в подсознание. И оно сработало во время операции. Одно неловкое движение, случайно дрогнула рука, и были задеты несколько мелких сосудов на пути к опухоли. Сама же она, кстати, была успешно мною удалена. Зрению Федора больше ничего не угрожало, головные боли должны были отступить. Я спас своего друга. Можно было подумать, что победил врач.

Но через пару часов, зайдя в реанимацию проведать Федора, я обнаружил, что он частично потерял память. Он узнал меня и своих близких. Помнил, что было пару дней назад. Но он не помнил ничего, что происходило с ним раньше. Федор выглядел слегка удрученным и потерянным. И все равно благодарил меня за то, что я спас его зрение и избавил от головных болей. От его слов благодарности и какой-то детской, беззащитной улыбки мне вдруг стало очень тяжело на сердце.

Его воспоминания о яркой, полной радости жизни исчезли. И я впервые испытал к Федору жалость. Значит, я исцелился от зависти. Значит, я победил! Вот только врач во мне проиграл. Я злоупотребил своей властью и навредил пациенту, нарушив клятву Гиппократова. И грош мне цена как хирургу. Все мои прошлые редкие ошибки были стечением неудачных обстоятельств. А сейчас я был единственной причиной произошедшего. Ничто мне не мешало провести операцию без осложнений, кроме моего бессознательного...

Кроме чувства зависти, которое управляло мной, разъедало изнутри и не давало наслаждаться жизнью и своими успехами. Зависть в конечном счете меня подавила, победила, растоптала, превратив почти в убийцу. Радоваться я так и не научился. А вместо чувства зависти меня теперь гложет чувство вины.

С той последней встречи в реанимации я стал всячески избегать общения с Федором, хотя он пытался найти меня и еще раз отблагодарить, даже не понимая, что я с ним натворил. Мне больно и стыдно смотреть в его доверчивые глаза.

Николай внимательно выслушал исповедь Андрея. Ему передалось болезненное, мрачное настроение пациента. Это был очень тяжелый случай. С одной стороны, Андрей сам себе поставил диагноз, признал и осознал то чувство, которое не дает ему жить полной жизнью. Многие люди подвержены этой заразе под названием зависть. Но, с другой стороны, здесь это чувство развилось до патологии.

О потере памяти Федором после операции у блестящего нейрохирурга Николай слышал. Это событие имело большой резонанс в мире медицины. Подобных ошибок хирург-светила прежде не допускал, что стало серьезным ударом по его безупречной врачебной репутации. Многие любили Федора не только как художника, но и как личность. Он был отзывчивым и жизнерадостным человеком, помогал нуждающимся-

ся и поддерживал талантливых людей. Потому для многих его болезнь стала печальной новостью.

— Дружище, у тебя сильно запущенная патология. На самом деле ты не победил чувство зависти. Это оно тебя победило, как ты сам верно признал.

— Нет, я больше не завидую Федору. Мне его искренне жаль.

— А как бы ты поступил, если бы можно было все открутить обратно и снова провести операцию?

Андрей глубоко задумался, его взгляд ещё больше померк. Он представил перед собой довольное лицо излечившегося, счастливого друга, который может снова творить, создавая новые шедевры живописи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.